

Р. М. БАРТИКЯН

**КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О ЗАВЕЩАНИИ ЕВСТАФИЯ ВОИЛЫ (1059 г.)**

Завещание протоспафария и ипата Евстафия Воилы является одним из интереснейших византийских памятников, имеющим большое значение для изучения истории и социально-экономических отношений не только в Византии, но и в Армении и Грузии, которые, начиная с конца X и в первой половине XI в., вновь стали объектами византийской агрессии.

Прошло уже семьдесят лет с того времени, как французский ученый А. Омон сообщил об обнаруженном им завещании в пергаментном рукописном кодексе Парижской национальной библиотеки Cod. coisl. N 263¹. В 1907 г. русский византист В. Н. Бенешевич опубликовал греческий текст завещания Воилы, подчеркивая трудности его понимания². Он не дал ни перевода, ни исследования памятника, хотя изданный им греческий текст заканчивался словами: «Продолжение следует». Четыре года спустя, в 1911 г., П. В. Безобразов, также подчеркивая трудности понимания текста завещания Евстафия Воилы, писал, однако, что изданный текст вполне доступен пониманию. В своей статье П. В. Безобразов дал пересказ завещания, останавливаясь главным образом на уточнении тех мест, где упоминаются книги библиотеки Воилы и церковная утварь³.

Много лет спустя, в 1951 г., М. В. Левченко в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» поместил сокращенный перевод завещания Воилы⁴. В 1957 г. вышел в свет полный перевод завещания Воилы на английский язык греческого ученого Спироса Вриониса. К переводу было приложено небольшое исследование памятника⁵.

Можно сказать, что текст завещания Воилы издан В. Н. Бенешевичем хорошо, хотя в нем имеются некоторые неточности, не исправленные и переводчиками текста — М. В. Левченко и С. Врионисом.

Текст завещания⁶, как об этом уже писал В. Н. Бенешевич, читается легко, хотя сокращений довольно много. Писец руководствовался только произношением звуков; *oi*, *ei*, *η* употребляются безразлично либо заме-

¹ См. H. O m o n t. Facs. des manuscrits grècs datés du IX au XIV s. «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 100—101.

² В. Н. Б е н е ш е в и ч. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, май, 1907, стр. 219—231.

³ П. В. Б е з о б р а з о в. Завещание Воилы. ВВ, XVIII, 1911, стр. 107—115.

⁴ «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 169—173.

⁵ Speros V r i o n i s. The will of a provincial magnate, Eustathius Boilas. DOP, vol. XI, 1957.

⁶ Привожу глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем за ее помощь в получении микрофильма Коаленовой рукописи № 263.

няются через ι или υ; точно так же нет разницы в употреблении αι—ε, ω—ο и т. д.

В. Н. Бенешевичем были допущены следующие ошибки: Воила в своем завещании писал, что местность, которую он получил, была «зловонной», она была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей, которые ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν τὸ δὲ εἰ συνεχομένους ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέκει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ ψαλμὸς.

Чтение τὸ δὲ εἰ, несомненно, ошибочно; ошибочны в связи с этим и переводы этого места у М. В. Левченко и С. Вриониса. У М. В. Левченко читаем: «. . . которая даже местным жителям казалась непригодной и которую едва сносили живущие неподалеку армяне. Я, как говорит псалом, очистил ее топором и огнем». Врионис же перевел: the Armenians who dwelled oposite here were not able to have even a little rest. If they <the Armenians> were constrained by the fact that the land was inaccessible to most men and unknown. I reduced it to ashes, with fire and axe, as the Psalm sayeth.

Следует читать, однако, не τὸ δὲ εἰ, а τῷ δέει, что хорошо увязывается со следующим συνεχομένους.

Кроме того, В. Н. Бенешевич допустил еще одну ошибку, поставив точку после слова ἡρεμεῖν, тогда как слова τῷ δέει συνεχομένους органически связаны с предыдущим предложением. Точка должна быть после слова συνεχομένους.

Следовательно, данное предложение нужно расшифровать так: ὡς μήτε τοῖς ἀντικρὺς ἐνοικήσαντα Ἀρμενίοις παρὰ μικρὸν ἔαν ἡρεμεῖν τῷ δέει συνεχομένους· ὡς ἀνεπίβατον τοῖς πολλοῖς εἶναι καὶ ἄγνωστον πελέκει καὶ πυρὶ κατατεφρώσας, ὡς ὁ ψαλμὸς, т. е. «. . . что не давало покоя даже живущим рядом и охваченным страхом армянам. Так как [эта местность] для многих была непроходимой и чужой, я, как говорит псалом, топором и огнем превратил [ее] в золу».

Согласно тексту В. Н. Бенешевича, Воила в полученных им имениях построил дом, церковь, мельницы, провел оросительную систему, посадил леса, сады и . . . ζῶα πρὸς τὴν χρείαν καὶ ἀναγκαῖα καὶ εὐχρηστα. Ζῶα — «исправление» В. Н. Бенешевича. В рукописи, как указывал он сам, читается ζῶσα. Переводчиками это слово переведено: М. В. Левченко — «завел домашний скот», С. Врионисом — «(I brought) animals». На самом же деле в завещании в данном случае нет и речи о каких-либо животных. Там просто написано ᾽ζῶσα. В рукописи знак ᾽ς встречается неоднократно, в частности еще раз и на той же самой строке в значении καὶ, как его и прочел В. Н. Бенешевич. Здесь же он перецугал этот знак с буквой ζ. Итак, вместо ζῶα В. Н. Бенешевича следует читать καὶ ὡσα (читай καὶ ὅσα), т. е. «и что», «и сколько», «и всякое, что».

Воила говорит, что спустя три года после смерти его сына скончалась и его жена, κατάλυπον ταῖς δυὸς θυγατράσι καὶ τὸν ἅπαντα βίον ἐμέ. Так в рукописи. Издатель исправил κατάλυπον рукописи на καταλιποσα несомненно, предполагая, что в слове κατάλυπον писцом допущены обычные орфографические ошибки. По мнению В. Н. Бенешевича, верно было бы καταλιπών (причастие от глагола καταλίπω — оставлять). Однако в таком случае мы столкнулись бы с другой трудностью: ведь καταλιπών — причастие мужского рода, а «оставляющее» лицо — жена Воилы. Поэтому В. Н. Бенешевич и принял конъектуру καταλιποσα, причастие женского рода от глагола καταλίπω.

М. В. Левченко, принимая «исправление» В. Н. Бенешевича, перевел данное предложение так, что якобы жена Воилы умерла, «оставив мне

(т. е. Воиле. — Р. Б.) все средства к жизни и двух дочерей». Согласно переводу С. Вриониса, жена Воилы умерла, «leaving me with my two daughters for the remainder of my life».

В подлиннике же никакой ошибки нет: *κατάλοπον* — это винительный падеж от слова *κατάλοπος*, образованного от глагола *καταλωπῶ* («причинять большое горе, печаль, сильно огорчать»). Воила писал, что смерть его жены сделала его несчастным на всю жизнь и ничего больше. В самом деле, было бы странным, если бы крупный феодал Евстафий Воила, владевший одиннадцатью селениями и множеством рабов, писал о том, что его жена, умирая, оставила ему «все средства к жизни». Ведь сам Воила подчеркивал в завещании, что все его имущество добыто его собственными трудами.

Перечисляя то, что он завещает церкви св. Варвары, Воила, между прочим, пишет *ῥωσπρεα ῥυπόρας*. Так в рукописи. В. Н. Бенешевич расшифровал эти слова так: *καὶ ὥσπερ εαζυπόρας* (sic!)⁷. Разумеется, последнее слово ничего не означает. М. В. Левченко перевел: «и сколько можно доставить», а С. Врионис: «and as much fruit». С. Врионис, однако, заметил при этом, что здесь у В. Н. Бенешевича ошибка, и дал свое чтение этих слов: *καὶ ὥσπερ εα καὶ ὑπόρας*, справедливо указав, что *ὑπόρας* — это corrupt form of *ὑπόρας*. В рукописи, однако, очень ясно читается не *ὥσπερ εα*, а *ὥσπρεα*, т. е. мы имеем дело не с наречием *ὥσπερ* и несуществующим словечком *εα*, а попросту со словом «бобы» (*ῥωπρια*). Воила завещал церкви св. Варвары двенадцать номисм, двести модиев зерна, тысячу литров вина, «а также бобы и фрукты».

Описывая одно драгоценное евангелие своей библиотеки, Воила отмечал, что оно имеет *ἰαστόρην ἔνδυμα ἐξ ἐπίπλεхта ἀργυροχρούσωτα*. Эти слова С. Врионис перевел: a purple binding and silver—gilt plaits, оставив без перевода слово «ἐξ», которое В. Н. Бенешевич понял как предлог. Но ἐξ — предлог родительного падежа, а в тексте после него стоят слова в именительном падеже. По нашему мнению, и здесь нет ошибки писца, а есть ошибка издателя и переводчика. Следует читать не «ἐξ», а «ἐξ» — шесть (Воила писал, что на переплете евангелия были шесть заплетений — украшений из серебряных позолоченных ниток).

В передаче названий местностей и имен людей, упомянутых в завещании, издатель также допустил неточности. Нам кажется, что под названием селения *Ἰσαίου* нужно предполагать не имя Исей, как у В. Н. Бенешевича, М. В. Левченко и С. Вриониса, а *Ἠσαίου*, т. е. имя пророка Исаии. В XI в. эти два разных написания звучали совершенно одинаково. Много ошибок в передаче имен сделал и М. В. Левченко. Так, название селения Тандзути (*Ταντζούττη*) у М. В. Левченко передано как Талмути, а личные имена: Мусесис (*Μουσεσις*, т. е. Моисей) — Муселий, Маркиан (*Μαρκιανός*) — как Мартин; вместо же имени Феодора М. В. Левченко написал Анна.

Выше мы говорили лишь о неточностях, допущенных В. Н. Бенешевичем при расшифровке греческого текста, как и об обусловленных этим ошибках в переводах М. В. Левченко и С. Вриониса. Теперь мы остановимся на ошибках в переводах, не связанных с изданным текстом завещания.

Перевод М. В. Левченко неполон. По словам переводчика, сокращены лишь те части завещания, где перечисляется церковная утварь, а также книги библиотеки Воилы. Однако М. В. Левченко сократил и другие места, представляющие большой интерес с точки зрения исследо-

⁷ Здесь В. Н. Бенешевич еще раз перепутал знак *ῥ*, означающий *καὶ*, с буквой *ζ*.

вания социально-экономических отношений. Что касается самого перевода, то он в целом неудачен, его неточности весьма значительны.

В апреле 1059 г., т. е. во время составления завещания, из одиннадцати некогда принадлежавших Воиле селений у него оставалось лишь четыре, которые он перечисляет несколько раз, а именно: селения Тандзути (иначе называемое Салим или Дзалима), Вузина, Паравунион и Исаии. Говоря об оставленном им своей дочери Ирине приданом, Воила пишет: *Τὰ δὲ καταλειφθέντα μοι κτήματα καὶ προάστεια τέσσαρα τὸ μὲν Ταντζούτην ἦτοι τοῦ Σαλήμ σὺν τοῖς ὀρεινοῖς δέδωκα εἰς προῖκαν τὴν πρώτην καὶ γνησίαν μου θυγατέραν Εἰρήνην καὶ τὸν σύνευνον αὐτῆς.*

Это важное предложение В. М. Левченко перевел: «Оставленные мне четыре имения и усадьбу Талмути и Салим с горными участками я дал в приданое первой и законной моей дочери Ирине и ее мужу».

Из этого перевода следует, что Воила отдал в приданое своей первой дочери и ее мужу шесть селений. В действительности речь идет только об одном. Воила, во-первых, говорит не об «оставленных ему», а об «оставшихся у него» селениях; во-вторых, он пишет не о четырех селениях, а об одном из четырех; в-третьих, «Салим» — это не отдельное селение, а, как уже говорилось выше, лишь другое наименование того же селения Тандзути.

Несколько раз Воила отмечает, что имения, которые принадлежали ему в Кларджии, он получил (*παρέλαβεν*), разумеется, от византийского императора — факт, весьма важный для уяснения политики Византии в занятых ею областях. Политика эта заключалась в переселении в завоеванные районы византийских феодалов из различных областей империи. М. В. Левченко всюду перевел этот глагол словами «я занял», хотя ни одно значение этого русского слова не соответствует греческому *παρέλαβεν*.

Как видно из завещания, Воила был в очень плохих отношениях с дучкой Михаилом и с сыном последнего магистром Василием, в зависимости от которых находились его имения. Говоря об их подстрекательствах, Воила пишет: *τὴν τοῦ ἀλαθῆτου ὀφθαλμοῦ ἐκδεχόμενος ἀμοιβὴν οὐδὲν περὶ τοῦτου ἰλυγγίασα*, т. е. что он, получая помощь всевидящего ока, не растерялся. У М. В. Левченко это место переведено: «но призываю всевидящее око, что не получил за это никакой награды». Неясно, о какой же награде Воила мог писать в данном месте? Перевод, по нашему мнению, неверен.

Воила имел рабов: некоторых он купил за деньги (*ὠνήτοί*), другие родились от принадлежавших ему рабынь (*οἰκογενεῖς*). Воила пишет: *ὅσα δὲ παιδία γένωνται ἀρρενικά ἐκ τῶν οἰκογενῶν καὶ ὠνητῶν ἀπελευθέρων μου, ἵνα ἀνατρέφονται εἰς τὸν τῆς θεοτόκου ναόν.*

Слова *οἰκογενῶν καὶ ὠνητῶν ἀπελευθέρων* М. В. Левченко переводит неточно: «если у освобожденных рабов».

В завещании написано: *τὰ δὲ περιτεύοντα εἰς τοὺς ἀδελφοὺς καὶ αὐθέντας μου τοὺς πένητας διανεμηθῶσιν κτηρὰ δὲ καὶ ἕτερα πρᾶγματα κινητὰ τε καὶ εὐκίνητα, εἴ τι ἂν μου εὐρεθῶσιν, ἵνα διανεμηθῶσιν εἰς συγγενεῖς μου καὶ τοὺς εὐρεθέντας οἰκείους μου.*

М. В. Левченко перевел: «оставшееся пусть будет распределено между бедняками — моими братьями и господами, и находящимися там рабами», пропустив целое предложение греческого текста; *εὐρεθέντας* переведено при этом «находящимися там» (неизвестно где!), *οἰκείους* понято, по всей вероятности, как синоним *οἰκετικός* и передано словом «рабы». Но *οἰκεῖος* означает не раба, а близкого человека, родственника и т. п. Как видно из завещания, Воила приказывает поделить неведомое читателям документа «оставшееся» между бедняками, которых он лицемерно называет своими «братьями» и «господами»; реально же существующее у него и перечисляе-

мое имущество (животных и прочее), он завещает не этим «господам» и «братьям», а «своим людям» — οἰκείους.

Указывая на налоги, которые должны были платить его наследники, Воила говорит ο τὸν κανονιζόμενον καὶ βασιλικὸν κῆνσον. М. В. Левченко перевел: «императорские налоги», оставив без перевода слово κανονιζόμενον. С. Врионис перевел the regular and imperial census. Под словами «κανονιζόμενον κῆνσον» нужно видеть, по всей вероятности, уплачиваемый епископу района налог, установленный как раз в эти годы Исааком Комнином (1057—1059) и называвшийся κανονικόν⁸.

Алексей Комнин особым хрисовулом подтвердил порядок взыскания этого налога⁹.

В завещании дважды упомянуто, что храм богоматери Воила построил «с основания» (ἐκ βαράθρων ἐδειράμην), у М. В. Левченко же в обоих случаях стоит «восстановил из развалин», что, разумеется, не одно и то же.

Воила завещал храму св. Варвары для богослужения, поминок и похорон двенадцать номисм, М. В. Левченко же переводит — «двадцать модиев».

Своему рабу Кириаку Воила завещал, между прочим, καὶ εἶδος ὃ τι ἂν ἐπεκέκτητο προσφορέσιόν τε καὶ ἐγκοίτιον, т. е. каким бы одянием и домашними вещами раб ни владел, все передается этому рабу. У М. В. Левченко читаем: «брачное и им приобретенное». Тот же оборот встречается в завещании еще раз: Воила завещает монахам свои φορέσιμα ἢ ἐγκοίτια. Ясно, что это не «брачное и им приобретенное» как во втором, так и в первом случае.

В тексте завещания написано: τὸν δὲ Σωτήριχον ἐλευθερώσας καὶ ληγατεύσας τὸν [κωδι]κελὸν ἐπίδεδωκα. τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθερώσω ψυχικὸν τῆς ὁσίας Ἐννης τῆς καὶ συμβίου μου, т. е. «освободив Сотириха и одарив его легатом, я отдал ему кодикелл, а Григория и его жену Феодору освобождать во спасение души преподобной Анны, моей жены». У М. В. Левченко: «Я освободил Сотириха и одарил его легатом. Выдал освободительную грамоту Григорию и жену его Анну (sic!) делаю свободной во спасение души жены моей Анны».

Из перевода М. В. Левченко следует, что кодикелл (у Левченко — «освободительная грамота») ¹⁰ получил Григорий (тогда как в действительности его получил Сотирих), а во спасение души жены Воилы освобождается только Феодора (а не Анна), тогда как в завещании ясно сказано, что освобождаются оба: и Григорий, и его жена Феодора.

Из Василик и из других памятников мы знаем, что свободные граждане в Византии делились на εὐγενεῖς, т. е. на людей, которые никогда не были рабами, родившись от ἀπελευθέρους, или от εὐγενεῖς, или же от родителей, из которых один был εὐγενής, а другой — ἀπελεύθερος. Вторая же категория свободных граждан называлась ἀπελευθεροί, т. е. люди, которые когда-то были рабами, но в данное время являются свободными ¹¹. Воила хочет, чтобы освобожденные им рабы (ἀπελευθεροί), а также их дети были εὐγενεῖς καὶ ἐλεύθεροι. У М. В. Левченко переведено: «чтобы они были свободными, освобожденными от рабства», что не совсем точно.

⁸ Jus, III, p. 323.

⁹ Ibid., p. 365—366.

¹⁰ Как видно из Василик, «кодикелл» означал такую приписку к завещанию, в которой завещающий добавлял то, что забыл написать в основном завещании. Но «кодикелл» мог употребляться и вместо самого слова «завещание» (см. Basilicorum lib., XXXV, tit. I, 1, 14).

¹¹ Ibid., lib. XLVI, tit. I; Jus, VI, tit. XXXIV.

В Каппадокии находилась построенная матерью Воилы церковь, которая была посвящена трем иерархам, т. е. Василию Кесарийскому, Иоанну Богослову и Григорию Чудотворцу. У М. В. Левченко же читаем: «храм тридцати иерархов».

Этим, однако, не исчерпываются неточности перевода М. В. Левченко; на более мелких ошибках мы не будем останавливаться.

Теперь перейдем к переводу С. Вриониса. В целом перевод завещания сделан хорошо, хотя и он не лишен некоторых неточностей. Частично мы о них уже сказали выше, когда говорили о греческом тексте завещания, изданном В. Н. Бенешевичем.

В тексте завещания читаем: τὸν δὲ Γρηγόριον καὶ τὴν αὐτοῦ γυναῖκα Θεοδώραν ἐλευθερώσω ψυχικὸν τῆς ὁσίας ἸΑννης καὶ τῆς συμβίου μου. У С. Вриониса переведено: «I free Gregory, and his wife Theodora, who <was formerly> the slave of my blessed wife Anna». Переводчик перепутал при этом слово ψυχικὸν (дар за спасение души) со словом ψυχάριον — раб. Воила просто указывает, что он освобождает Григория и его жену — обоих во спасение души умершей Анны, и ни о каких рабах здесь нет речи. Воила завещает своей церкви: στολές ἱερέως πέντε καὶ φελόνια τὰ μὲν δύο φελόνια μαῦρα τὰ δὲ ἕτερα τέσσαρα λευκά, καὶ ἕτερον πορφύρον, ὅπερ ἔκρυψεν ὁ Νικόλαος ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ. Врионис переводит: «five garments and sacerdotal robes, two of them black, the other four white, and a purple one which Nicholas hid; altogether seven robes».

К слову white своего перевода С. Врионис дает примечание (№ 23): «The scribe's calculations are somewhat erroneous here. В тексте, однако, никакой ошибки нет. С. Врионис думает, что στολές ἱερέως и φελόνια равнозначны, переводя garments and sacerdotal robes. Но это неточно: Воила говорит о пяти στολές и семи φελόνια, причем из семи фелоней две были черного цвета, четыре — белые, а одна — красная, всего же — семь, как и указывает Воила (ὁμοῦ φελόνια ἑπτὰ).

Перед последней страницей рукописи, содержащей текст завещания, имеется лакуна в три строки. До лакуны речь шла о том, что если наследники Воилы исполнят его желания, то да будет с ними благословение божье и богородицы. После же лакуны, в начале последней страницы завещания, читаем следующий фрагмент утерянного предложения: . . . ἐπισπάσεται μέρος καὶ πατραλοίας καὶ ἀδελφοκτόνος ἐπὶ πᾶσι καὶ διὰ πάντων καταγγεληθήσεται. Речь идет о формуле проклятия против тех, кто не исполнит желания Воилы. Вышеприведенный фрагмент С. Врионис перевел: *death shall be his portion, and he shall be denounced by all as a parricide and a fratricide.*

В греческом тексте, однако, нет слова θάνατος («death»). Оно по догадке добавлено Врионисом и, к сожалению, не взято в скобки. Предположение переводчика неверно. Слово μέρος, имеющееся в тексте, показывает, что мы имеем дело с очень распространенной в Византии формулой проклятия: «да будешь ты проклят 318 отцами и да будет у тебя с Иудой одна и та же участь». Конец лакуны должен выглядеть поэтому примерно так: после упоминания имен тех лиц, к которым обращены благословения и проклятия Воилы, — по всей вероятности, дочерей и зятьев Воилы, — следует: ἀναθεματισθήτω ὑπὸ πᾶν τριακοσίων δέκα ὀκτώ πατέρων καὶ τὸν τοῦ Ἰούδα. . . Продолжение этого предложения находится в начале последней страницы рукописи завещания — . . . ἐπισπάσεται μέρος и т. д.

В переводе С. Вриониса есть и другие неточности. Например, неизвестно почему καὶ φλάμουλον πέριξικον λευκοπράσινον καὶ σπονδηγήτην подлинника переведено «a green-white silk cloth for the chalice», или

почему слова *ἐπίτροπος* и *διοικητής*, которые в завещании имеют разное значение, переведены одним и тем же словом «administrator».

В конце перевода С. Врионис дает небольшое исследование о завещании. Он не ставит задачи изучить данный памятник с точки зрения его важности для исследования социально-экономических отношений в указанный период, а стремится главным образом выяснить личности, упомянутые в завещании, и локализовать ареал распространения имений Евстафия Воилы.

Решение вопроса о местонахождении имений Воилы очень важно. Без этого нельзя приступить к изучению содержащихся в памятнике сведений. И А. Омон, и П. В. Безобразов, и В. Н. Златарский ошибочно локализовали имения Воилы. С. Врионис, исходя из данных завещания, совершенно справедливо искал имения Воилы на востоке Византии, в захваченных Византией в начале XI в. областях. Указав на название одного из упомянутых в завещании имений — Калмухи, Врионис правильно предположил, что Воила поселился в армяно-грузинской области Тайк (точнее — в Кларджии), которая вошла в состав Византии в начале XI в. С. Врионис локализует и другое селение, принадлежавшее Воиле, — Коптерион, которое он отождествляет с селением Капетру, местом сражения между византийцами и сельджуками в 1049 г., находившимся, по мнению С. Вриониса, на юго-востоке Тайка. Однако, как видно из текста Скилицы, Капетру находился не в Тайке, а около города Арсна, т. е. к югу от Феодосиуполя. Впрочем, в правильности локализации Коптериона Врионис сомневается и сам (*this identification cannot be demonstrated*). Тем не менее можно локализовать еще некоторые селения, названия которых почти не изменились еще в начале нашего века и отмечены на пятиверстной карте Кавказа. Они находятся на территории Кларджии около известного средневекового города Артануджа. Селение Тандзути завещания Воилы, несомненно, современное селение Тандзот близ Артануджа. В Тандзоте находится грузинская строительная надпись, относящаяся к храму св. Марины, датированная 531 годом хроникона (1312 г. н. э.); в надписи назван ктитор храма — Саимдавле Калмахели¹², или Саимдавле из Калмаха, т. е. из селения Калмухи завещания Воилы. Недалеко от Артануджа на пятиверстной карте Кавказа указаны два селения — Вартхел и Вартасхеви, в одном из которых, по всей вероятности, нужно видеть селение Варта нашего документа (окончание -хеви по-грузински означает ущелье).

В житии св. Григория Хандзтийского (умер в 861 г.) говорится об известном монастыре, находящемся в местности Описа¹³. На пятиверстной карте Кавказа к северу от Артануджа указаны два селения — Описа и Описчала. Одно из них, вероятно, соответствует селению Офидо-вуни завещания Воилы (окончание -вуни в греческом означает «гора»). Под этим греческим словом «вуни» следует, очевидно, предполагать какое-либо созвучное местное слово. По всей вероятности, основная часть слова — Описа — осмыслена Воилой по-гречески — «Офидо» от слова «офис», т. е. «змея»; полное же название местности в таком осмыслении (Офидо-вуни) означало по-гречески «змея-гора» («змеиная гора»).

Как мы отметили выше, все эти селения находились на территории Кларджии и стали объектом византийской агрессии после смерти тайк-

¹² См. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII. СПб., 1911, стр. 105.

¹³ Там же, стр. 103.

ского куропалата Давида III в 1001 г., войдя по договору 1023 г., заключенному между византийским императором Василием II и грузинским царем Георгием I, в состав Византии.

По словам Воилы, местность, которую он получил, была зловонной, она не давала покоя охваченным страхом армянам, ибо была обиталищем змей, скорпионов и диких зверей. С. Врионис понимает эти слова дословно, высказывая предположение, что место поселения Воилы стало таким после грабительских походов сельджуцких войск. Врионис верит также словам Воилы, что в своем большинстве его имения до переселения Воилы были пустынными и необитаемыми. Это, однако, обычный оборот в памятниках того времени. Например, в тех же словах описывает земли, купленные им у византийского государства во Фракии, Михаил Атталиат. Именно поэтому и Воила, и Атталиат не забывают затем подчеркнуть, что все эти пустынные территории были превращены ими в цветущие сады. Они желают показать таким образом, что все имеющееся у них — это дело *их* рук, *их* труда. Что касается указания Воилы, что в местностях, которые он получил, скрывались змеи, скорпионы и дикие звери, то нам кажется, что и эти слова не следует понимать дословно, как это делает С. Врионис. В указанный период, по имеющимся данным армянских источников, во всех областях, находящихся в соседстве с Тайком (и в Харке, и в Апахунике, и в Мананали, и в области Екелеац, даже в столице армянских Багратидов в Ани) была широко распространена ересь тондракцев. Кларджия, очевидно, не являлась исключением¹⁴. Ересь тондракцев была особенно распространена именно в первой половине XI в. Помимо своей антифеодальной направленности, ересь тондракцев заключала в себе идеи освободительной борьбы армянского народа против иноземных захватчиков вообще и против византийских захватчиков в особенности¹⁵. Нам кажется, что Воила под змеями, скорпионами и дикими зверями подразумевает еретиков-тондракцев. Последние в армянских источниках XI в. именно так и названы. Так, автор XI в. Аристакес Ластивертци называет тондракцев «человекообразными зверями», тондракского вождя — «упрямым демоном-змеем», центр тондракского движения селение Тондрак — «логовом диких зверей», селение, принадлежащее одному тондракскому вождю, — «местностью, обитаемой змеями», места жительства еретиков — «логовом змей». В таких же выражениях обращались к тондракцам известный армянский политический деятель и философ первой половины XI в., бывший дукой Месопотамии в царствование Константина Мономаха (1042—1054), Григорий Магистр Пахлавуни, умерший в 1058 г., т. е. за год до составления завещания Воилы, и другие армянские авторы того времени.

Воила пишет, что он огнем и мечом уничтожил этих змеев, скорпионов и диких зверей, превратил в золу их обиталища. Эти слова Воилы С. Врионис и не пытается объяснить. Есть основания, по нашему мнению, полагать, что огнем и мечом Воила уничтожил еретиков-тондракцев, предав огню их обиталища. В подтверждение нашего предположения вспомним слова Григория Магистра. В своем послании сирийскому католикосу

¹⁴ В житии Григория Хандзтийского есть упоминание о существовании в XI в. еретиков в Кларджии, а именно в Опизе (см. Г е о р г и й М е р ч у л. Указ. соч., стр. 144—145). Еретики упоминаются также в Анче, находящейся в 2 км от Артануджа (там же, стр. 136). Последние, впрочем, по мнению Н. Марра, были павликианами (там же, стр. XVIII, прим. 3).

¹⁵ Ашот И о а н н и с я н. Очерки по истории армянской освободительной мысли, кн. 1. Ереван, 1957, стр. 237, 368, 379 и др. (на арм. яз.).

он писал, что многие военные вельможи и начальники, по указанию Григория Магистра, предали еретиков-тондракцев мечу, а их обиталища — огню. Вполне возможно, что одним из этих военных вельмож и начальников был протоспафарий и ипат Евстафий Воила.

Далее С. Врионис пытается выяснить вопрос об историчности упомянутых в завещании Воилы личностей (дука Михаил и его сыновья — магистр Василий и вестарх Фаресман). Вокруг личности магистра Василия среди византинистов уже полвека идут споры. Решение этого вопроса означало бы в то же время и выяснение вопроса о его отце, дуде Михаиле, и его брате, вестархе Фаресмане.

С упоминанием имени магистра Василия из завещания Воилы мы встречаемся еще раз в памятной записи монаха Феодула (писца текста завещания Воилы), которая находится в той же Коаленевой рукописи Парижской национальной библиотеки, содержащей «Лествицу» Иоанна Климаса и текст завещания Воилы. Во всех изданиях этой записи магистр Василий выступает с прозвищем «Парадунавис» (*Παραδούναβις*). Византинисты, занимавшиеся вопросом выяснения личности магистра Василия, имели в виду в основном именно эту памятную запись монаха Феодула, которая гласит: *ἐτελειώθη ἡ πανάρετος κλίμαξ προστάξει Εὐσταθίου πρωτοσπαθαρίου καὶ ὑπάτου τοῦ Βοῖλα διὰ χειρὸς ἐμοῦ Θεοδούλου μοναχοῦ καὶ πρεσβυτέρου τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου Σαλήμ, ἀμφότεροι Καππαδόκαι, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πατριάρχου τῆς βασιλίδος Κωνσταντίνου προέδρου καὶ πρωτοβεστιαρίου καὶ Θεοδοσίου Ἀντιοχείας ἔτει ςϛξζ' ἰνδικτιῶνος ιβ' μηνὸς ἀπριλλίου δ', ὥρα ζ', τῷ ἀγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ, καταπάνω Ἐδέσης Ἰωάννου τοῦ Δουκίτζη, δουκῶν Ἀδριανοῦ Ἀντιοχείας, Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοῦ δὲ τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασπρακᾶ καὶ Ἰωάννου χοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ*¹⁶.

В 1921 г. В. Бенешевич исправил допущенные им в последних строках неточности: *Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας, Παγκρατίου Βασπρακᾶ καὶ Ἰωάννου χοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ*¹⁷.

В других изданиях этой записи в расшифровке ее концовки допущены и другие неточности, но интересующие нас имена и прозвища у всех даны одинаково: *Ἀαρῶν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας, Βασιλείου μαγίστρου τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας*.

Кто же этот магистр Василий, что означает его прозвище *Παραδούναβις*? Византийские историки Атталиат, Зонара и Скилица упоминают о том, что в 1065 г. турки-узы, переходя реку Истр (Дунай), взяли в плен архонтов приистрских (т. е. придунайских) городов — магистра Никифора Вотаниата и магистра Василия Апокапа (*τῶν παριστρίων πόλεων ἄρχοντες... ὁ μάγιστρος Νικηφόρος ὁ Βωτανειάτης καὶ ὁ μάγιστρος Βασίλειος ὁ Ἀποκάπης*¹⁸).

Румынский византинист Н. Бэнеску отождествляет этого магистра Василия Апокапа с магистром Василием «Парадунависом», упомянутым в памятной записи монаха Феодула, и утверждает, что «*Παραδούναβις*» является не прозвищем, не фамилией Василия, как предполагал греческий

¹⁶ В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в., стр. 220.

¹⁷ В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи XI в. из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, стр. 16.

¹⁸ *Michaelis Attalei ot a e Historia*. Bonnae, 1853, p. 83; *Ioannis Zonara e Epitome historiarum*, t. III. Bonnae, 1897, p. 678; *Georgii Cedreni Historiarum compendium*, t. II. Bonnae, 1839, p. 654.

византинист С. Ламброс¹⁹, а эквивалентом слова Παρίστριον²⁰ (т. е. Придунайский).

Болгарский византинист В. Златарский пришел к совершенно другим выводам²¹. Он писал, что Василий Апокап не имеет ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула, ибо первый стал магистром лишь в 1064 г., в 50-х же годах XI в. он имел чин патрикия. Кроме того, продолжает В. Златарский, известно, что в конце 1059 г. и в 1060 г. архонтом придунайских городов был Роман Диоген. В. Златарский принимает предположение С. Ламбрoса, что слово Παράδοῦναβις «есть просто прозвище, фамилия магистра Василия, а не его титул». Он полагает, что это прозвище говорит о том, что магистр Василий памятной записи монаха Феодула имеет болгарское происхождение, и, не считаясь с данными завещания Воилы, пишет, что он тождествен тому Василию, который в начале царствования Романа Диогена был дукой города Эдессы и у армянского историка XII в. Матфея Эдесского назван «сыном болгарского царя Алусиана»²². Но ведь в завещании Воилы неоднократно указано, что отца магистра Василия (именно того Василия, который упомянут в памятной записи монаха Феодула) звали Михаилом и что он имел чин дуки.

С. Врионис пришел к тем же выводам, что и Н. Бэнеску. Он тоже считает, что магистр Василий завещания Евстафия Воилы и есть магистр Василий Апокап, архонт приистрских городов, который упоминается также в хронике армянского историка Матфея Эдесского в качестве сына Апокапа.

В завещании Воилы упомянуты также вестарх Фаресман, брат магистра Василия, и их отец — дука Михаил. С. Врионис отождествляет дуку Михаила с дукой города Эдессы Апокапом, выступающим в хронике Матфея Эдесского в качестве «отца Василия»²³, а вестарха Фаресмана отождествляет с упомянутым Скилицей вестом²⁴ Фаресманом Апокапом, получившим от императора Романа Диогена в 1069 г. город Гиераполь²⁵.

Но и Н. Бэнеску, и С. Врионис не считаются с данными завещания Воилы и хроники Матфея Эдесского, поэтому их выводы не могут быть признаны убедительными. Апокап, упомянутый Матфеем Эдесским (которого С. Врионис отождествляет с дукой Михаилом завещания Воилы), владел городом Эдессой, а дука Михаил и его сыновья, как убедительно доказал сам С. Врионис, жили в Тайке, точнее — в Кларджии. Мы не располагаем данными о том, что дука Эдессы Апокап имел какое-нибудь отношение к этой области.

Но самым важным обстоятельством, вызывающим сомнение в выводах Н. Бэнеску и С. Вриониса, являются соображения хронологического порядка. По данным завещания Воилы, дука Михаил (согласно С. Врионису, Апокап, дука Эдессы) во время составления завещания, т. е. в апреле 1059 г., был μαχαρίτης, т. е. умершим; в хронике же Матфея Эдесского мы

¹⁹ Sp. Lampros. Ἐνθυρήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογή πρώτη. NE, VII, 1910, σελ. 130—131.

²⁰ N. Bănescu. Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. BNJ, Bd. III, 3 und. 4. (Doppel-) Heft, 1922, S. 294—295; i d e m. La question du Paristrion. Byz., vol. VIII, fasc. 1, 1933, p. 294; i d e m. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946, p. 84—90.

²¹ В. Н. Златарски. Една датирана приписка на гръцки от средата на XI век. BS, vol. I, 1929, p. 28 sq.

²² Մատթեոս Ուռշախեցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղարշապատ, 1898, էջ 195.

²³ Մատթեոս Ուռշախեցի, էջ 119.

²⁴ С. Врионис по ошибке называет его вестархом.

²⁵ Cedr., II, p. 675—676, ср. A t t a l., p. 116.

читаем, что дука Эдессы «Апокап, отец Василия», в 1065 г. с радостью встречал своего сына²⁶, т. е. магистра Василия Апокапа, архонта приистрских (придунайских) городов, сумевшего убежать из турецкого плена. Совершенно ясно, что дука Эдессы Апокап не имеет ничего общего с дукой Михаилом завещания Воилы, как, разумеется, и его сын Василий (т. е. Василий Апокап византийских источников), архонт приистрских городов, не может иметь ничего общего с магистром Василием памятной записи монаха Феодула и завещания Воилы.

Поэтому и прозвище «Апокап» стратига Гиераполя Фаресмана, которого С. Врионис хотел отождествить с вестархом Фаресманом завещания Воилы в качестве брата магистра Василия, ничего не дает. Несомненно лишь то, что оба они называются Фаресманами, один из них имеет чин вестарха, а другой — веста.

Итак, *Παραδούναβις*, вероятно, нельзя считать эквивалентом *Παρίστριον*, и, по нашему мнению, совершенно правильно С. Ламброс и В. Златарский предполагали, что это прозвище. Но оба эти историка не ответили на другой возникающий в связи с этим вопрос. Все лица в памятной записи монаха Феодула упоминаются вместе с принадлежавшими им владениями. Если считать «Парадунавис» прозвищем, то в этом случае только при имени Василия «Парадунависа» его владения не названы. Это обстоятельство и послужило главной причиной того, что исследователи высказали разнообразные, но все же неправильные суждения по вопросу о локализации имений Евстафия Воилы, находившихся под политической властью магистра Василия и его отца дуки Михаила. А. Омон искал владения Воилы в Каппадокии²⁷, П. В. Безобразов — в феме Антиохии²⁸, а В. Златарский — в районе города Эдессы²⁹.

В. Златарский, утверждая, что у магистра Василия «Парадунависа» болгарское происхождение, опирался лишь на его прозвище «Парадунавис» и не обращал внимания на то, что брата Василия звали Фаресман, имя, которое вряд ли встречалось среди болгар. Оно, напротив, показывает, что Фаресман, как и его брат Василий и их отец Михаил, мог быть либо грузинского, либо армянского происхождения (возможно, халкедонитского вероисповедания).

Споры вокруг личности магистра Василия были бы давно решены, если бы исследователи обратили внимание не только на изданный текст памятной записи монаха Феодула, но и на фототипический снимок страницы 1586 Коаленевоу рукописи № 263, изданной еще Омоном³⁰. На этой странице кончается «Лествица» Иоанна Климака. Ее концовку монах Феодул, писец «Лествицы», расположил в кресте, которому придал вид лестницы, а на оставшихся по сторонам от креста чистых полях листа и написал свою памятную запись. Слова записи начинаются с полей, находящихся с левой стороны от креста, и продолжаются на полях с правой стороны. Однако нам кажется, что монах Феодул в двух случаях не придерживался этого принципа. Интересующую нас часть записи мы читаем так: на правом поле писец начал: *Ἀδριανῶν Ἀντιοχείας Ἀαρῶν*, затем перешел на левое поле: *προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης Αὐ*, а продолжил на правом поле: *γούστης Μεσοκοταρίας*. Далее же, однако, монах Феодул не перешел на левое поле, как считали все издатели этой записи, а прямо под той же

²⁶ *Πρακτικὴ Π. α. ζ. μ. η. β. γ. δ.*, 42, 153.

²⁷ «Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France», 1890, p. 101.

²⁸ П. В. Безобразов. Завещание Воилы, стр. 107.

²⁹ В. Н. Златарский. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ Н. О м о н т. Op. cit., pl. XXVI.

последней строкой на правом поле написал: τοῦ Παραδοῦναβι; затем он перешел к левому полю и продолжил: Βασιλείου μαγίστρου, после чего под той же строкой левого поля написал три последние строки записи (Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας и т. д.), которые, находясь под крестом, уже не были разделены на две части.

Итак, выясняется, что прозвище Παραδοῦναβις относится вовсе не к магистру Василию³¹, как считалось до сих пор, а к дуге Месопотамии проедру Аарону, который, кажется, никогда не был ἀρχὼν τῶν παριστρίων πόλεων. В. Златарский был совершенно прав, предполагая, что человек, носящий прозвище «Парадунавис» (в данном случае не имеет значения то, что он относил его к магистру Василию), мог иметь болгарское происхождение. Общеизвестно, что дуга Месопотамии проедр Аарон был болгарского происхождения. Об этом неоднократно упоминают и византийские, и армянские первоисточники. Аарон происходил из царского рода, его отец Иоанн Владислав был царем Западной Болгарии (1015—1018 гг.). Брат Аарона Прусиан защищал в 1018 г. Болгарию против императора Василия II, сестра же Аарона Екатерина вышла замуж за Исаака Комнина (1057—1059 гг.). Аарон служил в Азии, главным образом в Армении. Он правил Васпураканом, а с 1049 до весны 1057 г. был магистром города Ани, сменив Катакалона Кекавмена, а в апреле 1059 г., как видно из записи Феодула, был дукой Месопотамии³².

Выше мы говорили о том, что если считать Παραδοῦναβις прозвищем, а не названием местности, то в записи остается лишь магистр Василий, владения которого не указаны монахом Феодулом. При нашем же чтении записи отпадает и это недоразумение. Магистр Василий и Иоанн Монастыриот оба названы монахом Феодулом владыками (дуками) Иверии, что не вызывает сомнения. Имена Евстафия Воилы, находящиеся под политической властью магистра Василия, были расположены в Кларджии, т. е. в области, которая византийцами называлась Иверией. Что касается Иоанна Монастыриота, то он также в одной греческой надписи 1059 г., найденной в фрагментарном виде при раскопках города Ани, назван Ἰωάννης βεστάρχης κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας Μοναστηριώτης³³.

Итак, интересующие нас строки памятной записи монаха Феодула нужно читать так: Ἀαρὼν προέδρου καὶ αὐτοδεσπότης Ἀδγούστης Μεσοποταμίας τοῦ Παραδοῦναβι, Βασιλείου μαγίστρου, Ἰωάννου Μοναστηριώτου Ἰβηρίας.

³¹ Кстати, здесь нужно подчеркнуть, что в завещании Воилы магистр Василий нигде не упоминается с прозвищем «Парадунавис», как и должно было быть, ибо оно ему не принадлежало.

³² См. В. Н. Бенешевич. Три Анийские надписи. . . , стр. 4 сл.

³³ Там же, стр. 19.